

Н. Г. Баранец, А. Б. Верёвкин

УЧЕНЫЕ И ФИЛОСОФЫ О СОВМЕСТИМОСТИ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Познавательный конфликт между учеными и теологами развивается и в новом веке, вопреки усилиям по его разрешению. В статье проанализированы разные примирительные позиции, пытающиеся преодолеть конфликт между наукой и религией. Оценена успешность выбранных примирительных стратегий в отечественной интеллектуальной традиции. Показано, что осмысление научного знания и его социокультурной обусловленности в аналитической философии привело к «стиранию границ» между наукой и религией во мнении части современных эпистемологов. Выявление сложности природы доказательства, сомнение в возможности оценки обоснованности научных высказываний и их проверки привели к распространению «примиренческих» настроений не только среди философов, но и среди ученых ряда дисциплинарных групп. Мнение любого ученого относительно доказательности в своей дисциплине и убедительности теологических доказательств определяют убеждения, сформированные практикой научных исследований и наличием личного религиозного опыта.

Ключевые слова: теология, наука, убеждение, познавательный конфликт, аргументация, научные предпочтения, Комиссия по борьбе с лженаукой, естествоиспытатели, математическое сообщество.

Почему не утихают споры между философами, учеными и теологами об отношениях науки и религии? Каков вклад эпистемологов в примирение взглядов ученых и теологов? Почему в разных дисциплинарных сообществах принят разный уровень приемлемости в отношении теологической аргументации, креационизма и богословских наук? Чтобы ответить на эти вопросы, надо выяснить обстоятельства и мотивы дискуссий о совместимости науки и религии и роль убеждений ученых, участвующих в них.

Тема осмысления когнитивного опыта в науке и теологии в отечественной философии относительно новая. В 1990-е гг. в связи со сменой идеологических ориентиров и с возникновением идейного плюрализма активно обсуждалась специфика научного и религиозного знания. Советская философия опиралась на атеизм и сциентизм, на превосходство научной рациональности над иными интеллектуальными практиками. На волне возвращения к истокам русской философской традиции и «очарования» русской религиозной мыслью были возрождены идеи философии всеединства и «цельного знания». Некоторые авторитетные философы стали декларировать эпистемологическую равноценность науки и религии.

Вторая линия обсуждения особенностей науки и религии была связана с восприятием западной эпистемологической традиции. Парадоксальным образом результаты деятельности аналитических философов, постмодернистов, постпозитивистов, социальных эпистемологов также дали основание для уравнивания эпистемического статуса науки и религии. Отечественные философы начали рассуждать о христианской и языческой науке, о соединении науки и религии, о мифологических основаниях научного и религиозного знания, сравнивать способы аргументации в науке и теологии. Эти исследования вдохновила работа П. Вайнгартнера «Сходство и различие между

Наталья Григорьевна Баранец — доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (n_baranetz@mail.ru).

Андрей Борисович Верёвкин — кандидат физико-математических наук; доцент кафедры прикладной математики Ульяновского государственного университета (a_verevkin@mail.ru).

научной и религиозной верой». Она была переведена и опубликована в «Вопросах философии» в 1996 г.

Большинство эпистемологов приняло умеренную позицию, представленную В. А. Лекторским: «Научное мышление — один из способов познания реальности, существующий наряду с другими и в принципе не могущий вытеснить эти другие. Но разные способы мышления не просто сосуществуют, а взаимодействуют друг с другом, ведут постоянный диалог (включающий и взаимную критику) и меняются в результате этого диалога. Поэтому сама граница между научными и ненаучными формами мышления является гибкой, скользящей, исторически изменчивой. Наше представление о науке и научности исторически условно, оно меняется и будет меняться (хотя в каждый данный момент и в определенной дисциплине оно более или менее определено). В современной ситуации, в условиях трансформации технологической цивилизации, весьма плодотворным является взаимодействие науки с другими познавательными традициями. Особенно значимым такое взаимодействие представляется для наук о человеке» [Лекторский, 1999, 62]. Осознание исторического развития стандартов научной деятельности, изменение представлений о границах научного и ненаучного мышления, равноправие качественных предсказательных научных теорий и «модельную зависимость реализма», совместимость теории эволюции и с теизмом, и с атеизмом, многие отечественные философы отрицают эпистемологический конфликт между наукой и религией.

Некоторые непримиримые критики религиозного знания, сциентисты и борцы с псевдонаукой ушли с общего дискуссионного поля, образовав свой круг общения. Совместно с небольшой группой физиков-экспериментаторов и биологов они излагают свои идеи в журналах «Здравый смысл», «В защиту науки (Комиссия по борьбе с псевдонаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН)» и «Скепсис». Они отстаивают идеи сциентизма как идеологии научного сообщества, последовательно выступая против креационизма и клерикализации науки. Несогласных они обвиняют в отсутствии научного мировоззрения: «причин, по которым ученый может не обладать научным мировоззрением, неопределенно много, но практически все они связаны с утратой, игнорированием или нарушением принципа интеллектуальной честности и принципиальной незавершенности внутриличностного диалога... Если научная истина вступает в конфликт с иными, но психологически важными для человека ценностями или убеждениями, то нередко ему не хватает смелости сделать выбор в пользу разума и научных убеждений, ему труднее продумать вопрос о сути своего мировоззрения, его истинности, структуре его ценностей, цельности, гармонии» [Кувакин, 2007].

Примеров прямого влияния философско-эпистемологических дискуссий на мнения ученых о теологии немного. В 2002 г. после публикации в газете «Известия» статьи П. П. Гайдено «Наука и религия должны избегать друг друга» на нее отозвался В. Л. Гинзбург, оспоривший тезис «о соприкосновении с мистикой и оккультизмом блестящих достижений современной теоретической физики». Для иллюстрации своей позиции и своих убеждений ученые иногда пересказывают суждения знаменитых философов. Теологи часто апеллируют к позиции религиозных философов и «обретших Бога» ученых.

Обсуждение познавательной совместимости науки и религии породило новую тенденцию в отечественной эпистемологии — примиренчество¹, то есть убежденность в принципиальной совместимости науки и религии. Его психологическая причина — желание преодолеть когнитивный диссонанс и дискомфорт мышления. Позицию примирения принимают ученые с религиозными убеждениями, желающие

¹ Термин «примиренчество» (accommodationism) был использован в русском переводе книги Д. Койна «Вера против фактов. Почему наука и религия несовместимы» (М., 2017). Он обозначает позицию ученых, не признающих конфликт между наукой и религией. Имея в виду политическую заурядность этого термина в отечественном дискурсе, мы далее используем смягченное понятие «примирение».

примирить их с научным познанием, а также богословы, желающие использовать научные достижения для укрепления богословских рассуждений. У философов для примирения есть еще больше мотивов. Во-первых, осознание неосуществимости жесткой демаркации оснований научного и религиозного дискурсов, признание общности познавательных процедур в научной и религиозной практике (категоризации, репрезентации, интерпретации, конвенции, рефлексии). Во-вторых, наличие подобной тенденции среди авторитетных западных ученых и философов. В-третьих, отклик на отечественный общественный запрос на историко-культурную идентификацию, отчасти связанную с религиозной традицией.

Каковы корни возникшей в 1960–80-е гг. волны примирения в западной интеллектуальной жизни? Д. Койн считает, что ученые вынуждены «подстраиваться» под общественное мнение, сформированное гражданами своих государств (в некоторых европейских странах и США количество верующих — более 50%). Кроме того, есть активно работающие филантропические организации, убеждающие общественность, что между наукой и религией нет противоречий: «В значительной степени недавний всплеск примиренчества питается средствами одной-единственной организации — Фонда Джона Темплтона. <...> Он принадлежал к пресвитерианской церкви, но был убежден, что другие религии тоже обладают ключами к „духовной“ реальности и что наука и религия могут быть союзниками в поиске ответов на „великие вопросы“ цели, смысла и ценностей. С этой целью Темплтон завещал свое состояние — в настоящее время капитал составляет \$1,5 млрд — фонду своего имени, основанному в 1987 г. Филантропическая миссия фонда отражает стремление Темплтона к примирению науки и религии... Фонд Темплтона ежегодно распределяет \$ 70 млн в виде грантов и стипендий. Для сравнения скажем, что это в пять раз больше, чем Национальный фонд науки в США каждый год выделяет на исследование в области эволюционной биологии — одного из направлений работы Фонда Темплтона. Учитывая глубокие карманы Фонда Темплтона и не слишком строгие критерии распределения денег, неудивительно, что, когда заручиться финансовой поддержкой непросто, ученые выстраиваются в очередь за этими грантами. Понятно, что такая поддержка гарантирует непрерывный поток конференций, книг, монографий и журнальных статей, многие из которых выступают за примирение веры и науки» [Койн, 2017, 46–47].

Этот фонд отчасти повлиял и на интерес отечественных эпистемологов к теме совместимости науки и религии (в 2008 г. ИФ РАН опубликовал сборник «Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд»). Под эгидой фонда Темплтона реализовывался проект «Наука и духовность». Эффективность этих начинаний была невысокой, с точки зрения самих участников: «К сожалению, эти беседы хотя и имели позитивное значение — мы посмотрели друг на друга, пообщались, в общем, услышали друг друга, но они также выявили и то, что особенно глубокого понимания между нами нет. Мне кажется, это вполне нормально. Ведь и я, и более старшее поколение были воспитаны в общем атеистическом духе, и даже не являясь воинствующими атеистами, не отрицая права каждого человека верить в то, во что он хочет, но мы все-таки привыкли считать, что наука в общем-то автономна, не очень нуждается в диалоге с ненаукой, хотя если посмотреть исторически на этот вопрос, это, конечно, совсем не так. И многие вполне светские философы доказывали, что в истории формирования эмпирического естествознания в Новое время значительную роль сыграли и религиозные, и магические, и мифические формы знания. И не только формы знания, но даже и способы институционализации знания» [Касавин, 2013, 172–173].

Есть ли познавательный конфликт между учеными-естествоиспытателями и теологами? Познавательный конфликт — это противопоставление гипотез, теорий, парадигм, подходов в определенных областях знания (мифологии, религии, философии и науке), а также между ними. Чтобы его обнаружить, надо выявить: объект (фрагмент реальности), который не может быть познан одним-единственным способом, и субъект, который выступает носителем определенной познавательной традиции, идеологии, способа репрезентации. Познавательный конфликт возникает, если нельзя

перевести один способ понимания и объяснения объекта исследования в другой. Причем конкурирующие способы или модели объяснения не могут быть полностью опровергнуты, так как каждая создана на основе своей системы конвенций и допущений. Можно выявить несколько тем (объектов исследования), которые являются доктринально принципиальными — проблема эволюции, причин развития мира и источника сознания (дисциплины — биология и астрофизика).

Представители целого ряда естественных дисциплин, прежде всего физики и биологии, резко выступают против не только креационистских научных исследований «уверовавших ученых», но и против примирительных речей о равноправности научной и религиозной, креационистской и эволюционистской «моделей реальности». Конечно, большинство ученых избегают спорных проблем. Но есть группы активистов с обеих сторон, которые периодически сталкиваются в очных и заочных дискуссиях. Естествоиспытатели не признают состоятельность теологических аргументов и возмущаются допущения в научных гипотезах принципа Божественного вмешательства.

Так, в 2007 г. появилось «Открытое письмо академиков РАН президенту В. В. Путину» против клерикализации общества и в защиту науки. Его подписали: Е. Б. Александров, Ж. И. Алфёров, Г. И. Абелев, Л. М. Барков, А. И. Воробьёв, В. Л. Гинзбург, С. Г. Инге-Вечтомов, Э. П. Кругляков, М. В. Садовский и А. М. Черепашук. Академиком возмутила экспансия Русской Православной Церкви в систему образования. Они не пожелали остаться в стороне, когда подвергается сомнению научное знание, «вытравливается из образования „материалистическое видение мира“, подменяются знания, накопленные наукой, верой». Против них выступили пять членов РАН (Г. С. Голицин, Г. А. Заварзин, Т. М. Энеев, Г. В. Мальцев и Ф. Ф. Кузнецов), сожалеющих, что Академия наук втягивается в антирелигиозные баталии. По их мнению, теология равноправна с наукой. В. Л. Гинзбург в ответ демонстративно удивился, «что РПЦ и ее защитники еще, кажется, не предложили выбирать в РАН теологов, а то и создать специальное Отделение теологии» [Гинзбург, 2008, 69].

Резонанс в обществе вызвало создание кафедры теологии в Национальном исследовательском ядерном университете МИФИ осенью 2012 г. Эта кафедра, возглавляемая митрополитом Волоколамским Иларионом, стала центром генерации и продвижений идей примирения. Кафедра состоит не только из отечественных, но и из опытных западных преподавателей, знакомых с аргументами непримиримых атеистов вроде Р. Докинза, Д. Койна и С. Харриса: Грегори Фриз (доктор исторических наук, профессор Брандейского университета, США); Клаус Бухенау (профессор Университета Регенсбург, Германия); Надежда Киценко (американский исследователь-историк, профессор Университета в Олбани), Кристина Штёкл (социолог религии, руководитель проекта «Постсекулярные конфликты» в Университете Инсбрука). В 2013 г. на базе МИФИ проводилась Международная научная конференция «Наука и религия: исторические пути и перспективы конвергенции» и семинар «Наука и теология: история и перспективы». При поддержке Фонда Джона Темплтона в рамках проекта «Религия, наука и общество» на семинарах и круглых столах обсуждалось взаимодействие науки и религии. В начале 2015 г. вместе с Институтом всеобщей истории РАН и Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом проводился семинар «Научный атеизм в России: история и современность». Заместитель заведующего кафедрой теологии НИЯУ МИФИ, доцент, кандидат физ.-мат. наук, кандидат богословия, иеромонах Родион (Ларионов) прочитал курс «Научная мысль в общекультурном контексте». Лектор раскрыл основные этапы и закономерности становления естественнонаучного знания, продемонстрировав, что развитие физики происходило не спонтанно, а было тесно связано с богословскими и философскими идеями и обусловлено ими.

Фундаментом синкретического примирения стали сравнительные исследования эпистемологов научной и религиозной веры, научной и теологической аргументации. Для богословского дискурса характерно онтологическое отношение к истине, а гносеологическое ее истолкование происходит в рамках теории когеренции — всякое знание должно встраиваться в систему, заданную догматами религии. Сформулированная

в Средние века концепция двух истин предполагает подчинение истин разума истинам веры. Такое отношение к истине диктует выбор предпочтительных способов аргументации и доказательства. На христианское богословие сильное влияние оказывала комментаторская традиция неоплатоников [Герасимова, 2012, 82–84], которая сформировала два аргументативно-методологических подхода: экзегетический и образно-пропедевтический. Для христианской богословской традиции характерна методологическая установка на сочетание спекулятивных умозаключений и личного опыта богообщения. Считается, что после прп. Иоанна Дамаскина византийское богословие не стремилось к самостоятельности и оригинальности — к новым интерпретациям Писания и Предания, к новым формулировкам богословских положений. Оно лишь совершенствовало трансляцию святоотеческой традиции. В отечественном богословском дискурсе с XIX в. теоретическая аргументация предпочиталась в двух видах — логическом, через выведение обосновываемых утверждений из других ранее принятых положений, и системном, когда утверждения принимаются путем включения в принятую систему утверждений и положений. При этом часто использовалось обращение к авторитету и вере.

Православные теологи и религиозно ориентированные философы пытаются доказать превосходство богословской традиции над научной. Стратегия их рассуждений схематично такова. Сначала демонстрируется неполная обоснованность научных утверждений и сложность их проверки. Из этого выводится, что научное знание на самом деле есть научная вера в истинность недостаточно обоснованных суждений. Затем утверждается приоритет утверждаемых истин над процедурой получения знания. «Теология (религиозное учение) расширяет содержание своего *credo*, вводя в него некоторые догматы, не кажущиеся самоочевидными всякому мыслящему человеку. За счет этого теология рисует более богатую и содержательную, но более „вероятностную“ гипотетическую (с точки зрения критического разума) картину мироздания, способную оказаться адекватным описанием реальности, которое не может во всей полноте дать обезбоженная, нерелигиозная наука. (Например, наука не решает вопрос о существовании ада и рая, а в недоступной научному познанию реальности они, как я убежден, существуют)» [Шахов, 2010, 52–53]. Некоторые теологи считают, что науке нужны религиозные аксиологические и деонтологические установки. Патриарх Алексий II на соборных слушаниях «Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий» в 1998 г. отмечал, что наука нуждается в «духовном водительстве Церкви», а ученый должен в своих трудах пребывать в «должном смирении и благоговении перед Богом». Академик В. Л. Гинзбург оспорил полезность такого руководства: «Относительно претензий патриарха на то, что Православная Церковь способна помочь научным исследованиям и ученым своим „духовным опытом“ и т. д., у меня никаких данных нет. Убежден, что православие, как и любая другая религия, чуждо науке и о какой-нибудь пользе здесь речи быть не может» [Гинзбург, 2008, 17].

Один из наиболее влиятельных иерархов Русской Православной Церкви митр. Волоколамский Иларион предлагает примирить науку и религию на принципе «двух истин»: «Наука не имеет никаких противоречий с христианским мировоззрением. Мы видим, что наука и религия — две разных области познания. Наука занимается, прежде всего, нашей земной жизнью, материальным миром. Наука объясняет мир моделями (законами) с разной степенью точности, объясняет, как устроены планеты, как устроено мироздание и предлагает решения для улучшения нашей жизни на этой земле. В этом смысл научного прогресса. Религия занимается совершенно иными вещами. Опять же, наука требует доказательств, усилий разума, а религия основывается на вере и безусловном принятии Истины... религиозный опыт не противоречит данным науки, научному опыту. Вот почему среди ученых есть и неверующие, и огромное число верующих». В отношении проблемы возникновения мира и совмещения гипотезы Большого взрыва с интерпретацией библейского Творения он не видит затруднений: «Мы хорошо понимаем, как надо читать Библию и как нужно относиться к словам Библии, прежде всего, с религиозной точки зрения,

при этом не исключая и научный взгляд. Библейское повествование о сотворении мира в шесть дней сейчас, скорее, воспринимается как сотворение мира в шесть этапов. Причем эти этапы могли длиться, может быть, и миллионы лет». В отношении же биологической теории эволюции, а точнее дарвинизма, его мнение более критично: «В чем противоречит Библия, например, воззрениям тех ученых, которые считают, что все во Вселенной эволюционировало от простого к более сложному и одни виды постепенно превращались в другие? Противоречит в том, что Бог Сам лично творил отдельные виды: Он создал небо и землю, луну и звезды; потом Он создавал жизнь на земле: сначала — растения, затем — животных и уже потом — человека, который стал венцом творения. Нигде не сказано, что человек произошел из животных путем эволюции. Вот почему библейская картина мира, не противореча науке в целом, противоречит теории эволюции, если под ней понимать эволюционирование от простейших видов к более сложным, от животных к человеку» [Иларион, 2014].

Резкое противодействие теологическим интерпретациям современных научных теорий неизменно высказывает Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН. Бюллетень Комиссии «В защиту науки» регулярно публикует развернутую критику концепций «обретших веру» ученых, которые, по мнению критиков, ради примирения науки с креационизмом не только отходят от научной методологии, но и фальсифицируют научные факты. В разных научных дисциплинах понимание критериев научности, обоснованности научных результатов и аргументативные конструкции существенно разнятся. Так, естествознание базируется на экспериментальных методах получения и проверки знания. Поэтому «наглядность» подтверждения результатов рассуждений здесь всегда остается главным критерием обоснованности.

Изучая образ науки и рассуждения отечественных математиков на философско-мировоззренческие темы, мы заметили безразличие большинства современных математиков к проблеме совместимости науки и религии. Отчасти это связано с тем, что математику эта проблема не затрагивает. Глубоко верующий русский математик Д. Ф. Егоров в 1906 г. написал своему ученику Н. Н. Лузину: «Мне думается, что научная работа, ее направление и даже вкусы в этой области не должны бы зависеть от мирозерцания. Мирозерцание само по себе, а наука сама по себе!» [Егоров, 1980, 338].

Математики иногда спорят о месте своей науки среди других научных дисциплин. Относить ли ее к естественным наукам (В. И. Арнольд), или гуманитарным (В. А. Успенский, Ю. И. Манин), или ставить математику отдельно от них (А. Д. Александров, А. Н. Колмогоров). Математика отвлекается от содержания своих истин, интересуясь лишь их формой. Может показаться, что она не допускает внутри себя наблюдение и эксперимент в качестве доказательства (но даже в отношении математики прошлых веков это мнение неверно, сейчас же производительные возможности компьютерного моделирования открыли путь новой дисциплине — экспериментальной математике). Математика зародилась из практики естественных наук. В ходе долгого накопления и систематизации знаний, прояснения понятий и связей между отдельными результатами она породила чистую математику, развитие которой, продолжая сопровождать естествознание, существенно расширяет его предмет, восходя к более высоким ступеням абстракции. Есть удивительный феномен: отвлеченные построения математики, возникшие внутри нее, без прямого запроса естествознания и техники, находят в них плодотворное применение. В процессе своего развития математика из науки о количественных отношениях и пространственных формах действительности превратилась в науку о любых логически мыслимых отношениях. «В предмет математики входит любая структура, которую можно мыслить без противоречия путем логического рассуждения с достаточной строгостью и богатством выводов» [Александров, 2008, 514].

Повод высказаться о теологии у математиков возникает, когда они рассуждают о «философских проблемах математической реальности» — об онтологическом статусе математических объектов и основаниях своей науки. Личные убеждения,

сформированные религиозным опытом и пониманием в платоническом духе математической реальности, а также принятие конвенционального истолкования истины некоторых из них приводит к признанию превосходства религиозного познания. Выдающийся отечественный математик И. Р. Шафаревич в лекции по случаю вручения ему Хейнемановской премии Геттингенской Академии наук задался вопросом, в чем цель математики: «В наше время, как ни разнообразны и глубоки приложения математики, отнюдь не под их влиянием возникли ее самые прекрасные достижения. Как же можно тогда ожидать, что приложения математики дадут ей эту цель, которую она не смогла найти своими внутренними силами?... Если мы, таким образом, отбросим этот путь, то останется, как мне кажется, только одна возможность: цель математике может дать не низшая сравнительно с ней, а высшая сфера человеческой деятельности — религия... Математика сложилась как наука в VI в. до Р. Х. в религиозном союзе пифагорейцев и была частью их религии. Она имела ясную цель — это был путь слияния с божеством через постижение гармонии мира, выраженной в гармонии чисел. Именно эта высокая цель дала тогда силы, необходимые для научного подвига, которому принципиально не может быть равного: не открытия прекрасной теоремы, не создания нового раздела математики, но создания самой математики... Я хочу выразить надежду, что по той же причине она теперь может послужить моделью для решения основной проблемы нашей эпохи: обрести высшую религиозную цель и смысл культурной деятельности человечества» [Шафаревич, 1973, 35–36].

Мы сейчас не будем разбирать доводы математиков, которые избрали профессию служителей культа и свои способности посвятили не просто примирению религии и науки, а доказательству превосходства своего религиозного учения. Напомним рассуждения о науке и религии, о ценностном равенстве путей познания в них известного российского математика и религиозного мыслителя А. Н. Паршина. Он отметил, что в научной среде редко обсуждают вопрос о границах научного познания и взаимоотношении науки и религии. Здесь преобладает мнение, что наука и религия относятся к совершенно разным сферам бытия и, следовательно, должны заниматься своим делом. Но его самого увлекает принцип «цельности знания», который высказывали русские религиозные мыслители в начале XX в. А. Н. Паршин считает невозможным примирение на основе принципа дополнительности — из философской интерпретации концепции Большого взрыва, принципа «наблюдателя» и внесения направляющих целей в эволюционизм. «Следует иметь в виду не приспособление религии к науке, когда последняя (к тому же в нынешней форме) выбирается в качестве верховного судьи... самая суть проблемы: наука вообще, а не только теперешнее состояние, противоречит религии. И не стоит это обстоятельство как-то замазывать и сглаживать» [Паршин, 2002, 130].

Очевидно, что только личный религиозный опыт является главным фактором убедительности и принятия теологической аргументации для математика. Этот опыт нельзя передать так, как передаются методы математического исследования. Поэтому суждение математика о религии значимо для общества лишь в силу его личного научного авторитета. Но мы полагаем, что математики потенциально более терпимы к совмещению науки и религии, чем естествоиспытатели. Ведь их научные предпочтения определены спецификой формальной природы математических объектов и малой мировоззренческой и ценностной нагруженностью математических исследований. А естествоиспытатели рассуждают о религии и убедительности теологических аргументов, руководствуясь личными эмоционально-психологическими причинами, сформированными в окружении дисциплинарного сообщества, изучающего вещественный мир.

Научные убеждения ученого зависят от повседневной работы, которую он привлек выполнять. Потому сначала складываются убеждения, а затем — их рационализация. Невозможно на интеллектуальном уровне преодолеть противостояние между креационистами и эволюционистами, верующими и атеистами. Борьба за общественные ресурсы и внимание, принципиально разные цели исследований усугубляют антагонизм теологической и естественнонаучной когнитивной практики.

Источники и литература

1. Александров (2008) — Александров А. Д. Беседы по истории науки // Александров А. Д. Избранные труды: в 3 т. Новосибирск, 2008. Т. 3.
2. Баранец, Верёвкин (2015) — Баранец Н. Г., Верёвкин А. Б. Образы математики. Ульяновск, 2015.
3. Герасимова (2012) — Герасимова И. А. П. А. Флоренский о противоречии (логико-методологический анализ) // Логические исследования. 2012. № 18. С. 77–96.
4. Гинзбург (2008) — Гинзбург В. Л. Об атеизме, религии и светском гуманизме. М. 2008.
5. Егоров (1980) — Егоров Д. Ф. Письма к Н. Н. Лузину // Историко-математические исследования. 1980. Вып. 25. С. 335–362.
6. Иларион (2014) — Иларион, митр. Волоколамский. Наука и религия — две разных области познания. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1189214.html> (дата обращения: 16.11.2018).
7. Касавин (2013) — Касавин И. Т. Мы создали что-то вроде маленькой альтернативной истории мысли... // Государство. Религия. Церковь. 2013. № 1 (31). С. 170–184.
8. Койн (2017) — Койн Д. Вера против фактов. Почему наука и религия несовместимы. М., 2017.
9. Кувакин (2007) — Кувакин В. А. Научное мировоззрение и гуманизм // Здравый смысл. 2007. № 2 (43).
10. Лекторский (1999) — Лекторский В. А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999. С. 46–62.
11. Паршин (2002) — Паршин А. Н. Еще раз о «научной картине мира» // Путь. М., 2002. С. 115–133.
12. Шафаревич (1973) — Шафаревич И. Р. О некоторых тенденциях развития математики // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften in Gettingem, Gettingen. 1973. S. 31–36. (Англ. пер.: Math. Intell. 1981. Vol. 3. P. 182–184).

Natalia Baranetz, Andrey Verevkin. Scientists and Philosophers About Compatibility of Science and Religion.

Abstract: The cognitive conflict between scientists and theologians develops in a new century too, despite efforts on his permission. There are various conciliatory positions trying to overcome the conflict between science and religion. Judgment of the scientific knowledge and its social and cultural conditionality in analytical philosophy has led to “borders deleting” between science and religion in opinion some modern epistemologists. Detection of complexity of the proof nature, doubt in a possibility of assessment of validity of scientific statements and their check, have led to spread of “accommodable” sentiments not only among philosophers, but also scientists of some disciplinary groups. Opinion of any scientist concerning argumentativeness in the discipline and persuasiveness of theological proofs are defined by the beliefs created by practice of scientific research and existence of personal religious experience.

Keywords: theology, science, belief, cognitive conflict, argumentation, scientific preferences, Commission on Pseudoscience and Research Fraud, natural scientists, mathematical community.

Natalia Grigoryevna Baranetz — Senior Doctorate in Philosophy; Associate Professor, Professor of the Chair of Philosophy, Sociology and Political Science; Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation (n_baranetz@mail.ru).

Andrey Borisovich Verevkin — Doctorate in Mathematics; Associate Professor; Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation (n_baranetz@mail.ru).

Sources and References

1. Aleksandrov (2008) — Aleksandrov A. D. Besedy po istorii nauki [Conversations on history of science]. Aleksandrov A. D. *Izbrannyye trudy: v 3 t.* [Chosen works. In 3 vols.]. Novosibirsk, 2008, vol. 3. (In Russian).
2. Baranetz, Verevkin (2015) — Baranetz N. G., Verevkin A. B. *Obrazy matematiki* [Images of mathematics]. Ul'yanovsk, 2015. (In Russian).
3. Gerasimova (2012) — Gerasimova I. A. P. A. Florenskiy o protivorechii (logiko-metodologicheskii analiz) [P. A. Florensky about a contradiction (the logic-methodological analysis)]. *Logicheskiye issledovaniya*, 2012, no. 18, pp. 77–96. (In Russian).
4. Ginzburg (2008) — Ginzburg V. L. Ob ateizme, religii i svetskom gumanizme [About atheism, religion and secular humanism]. Moscow, 2008. (In Russian).
5. Egorov (1980) — Egorov D. F. Pis'ma k N. N. Luzinu [Letters to N. N. Luzin]. *Istoriko-matematicheskiye issledovaniya*, 1980, is. 25, pp. 335–362. (In Russian).
6. Ilarion (2014) — Ilarion, mitr. Volokolamskiy. *Nauka i religiya — dve raznykh oblasti poznaniya* [Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk. *Science and religion are two different knowledges*]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1189214.html> (accessed: 16.11.2018). (In Russian).
7. Kasavin (2013) — Kasavin I. T. My sozdali chto-to vrode malen'koy al'ternativnoy istorii mysli... [We have created something like small alternative history of a thought...]. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov'*, 2013, no. 1 (31), pp. 170–184. (In Russian).
8. Koyn (2017) — Coyne J. A. *Vera protiv faktov. Pochemu nauka i religiya nesovmestimy* [Faith versus fact. Why science and religion are incompatible]. Moscow, 2017. (Russian translation).
9. Kuvakin (2007) — Kuvakin V. A. Nauchnoye mirovozzreniye i gumanizm [Scientific outlook and humanity]. *Zdravyy smysl*, 2007, no. 2 (43). (In Russian).
10. Lectorskiy (1999) — Lectorskiy V. A. Nauchnoye i vnenauchnoye myshleniye: skol'zyashchaya granitsa [Scientific and extra scientific thinking: the sliding border]. *Razum i ekzistentsiya: Analiz nauchnykh i vnenauchnykh form myshleniya* [Reason and existence: Analysis of scientific and extra scientific forms of thinking]. Saint Petersburg, 1999, pp. 46–62. (In Russian).
11. Parshin (2002) — Parshin A. N. Eshche raz o "nauchnoy kartine mira" [Once again about "A scientific picture of the world"]. *Put'*, Moscow, 2002, pp. 115–133. (In Russian).
12. Shafarevich (1973) — Shafarevich I. R. O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya matematiki [About some tendencies of mathematics development]. *Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften in Gettingen*. Gettingen, 1973. S. 31–36. (In Russian). English transl.: *Math. Intell.*, 1981, vol. 3, pp. 182–184.